

Е. И. ГОЛОВАНОВА
(Челябинск, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ОСОБЫЙ ТИП ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Анализируется когнитивная специфика фразеологизмов в сфере терминологической номинации, выявляется соотношение данных единиц с различными типами знания. Особое внимание уделяется причинам и факторам выбора фразеологической номинации при передаче специального знания. Автор статьи утверждает, что термин-фразеологизм вербализует комплексную информацию о внеположенном профессиональном объекте, воспринятом номинатором в его нерасчлененной целостности.

Ключевые слова: терминологическая номинация, термин-фразеологизм, специальное знание, обыденное знание, восприятие, внеположенный профессиональный объект.

Любая профессиональная единица является результатом когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации и вербализации профессиональных знаний. Фразеологические единицы занимают особое место в профессиональной коммуникации и своеобразно репрезентируют элементы профессионального знания.

Вопрос об особом статусе терминов-фразеологизмов, их когнитивной специфике нельзя отнести к числу активно разрабатываемых в терминоведении. Проблема разграничения неоднословных специальных единиц и выделения фразеологизмов в отдельную группу в целом слабо отрефлексирована. Так, например, в классических трудах по терминоведению, которые используются в процессе освоения этой сложной и специфической сферы знаний: учебном пособии С. В. Гринева «Введение в терминоведение» (1993) [4] и монографии В. П. Даниленко «Русская терминология» (1977) [5] — этот вопрос либо вообще не поднимается, либо решается неоднозначно.

С. В. Гринев считает все составные термины (или термины-словосочетания) лексикализованными единицами, т. е. признает их семантическую эквивалентность слову, с одной стороны, и устойчивый характер употребления — с другой, но о фразеологизмах не упоминает. По мнению исследователя, в качестве терминов выступают номинативные сочетания на основе подчинительной связи; структура такого подчинительного сочетания четко передает логические отношения между соотносимыми в содержательной структуре термина понятиями: опорный компонент указывает на родовое понятие, зависимый(-ые) — на дифференциальные признаки видового [4, с. 151]. В соответствии с этой трактовкой при рассмотрении ученым основных способов терминообразования — семантического, морфологического, синтаксического, морфолого-синтаксического и заимствования — фразеологическая номинация как особый способ не выделяется.

В. П. Даниленко разграничила три структурных типа терминов: термины-слова, термины-словосочетания и символ-слова. Терминологические слово-

сочетания подразделены ею на разложимые и неразложимые. Среди первых различаются свободные словосочетания, «где каждый из компонентов термин и каждый может вступить в двухстороннюю связь (*квантовая химия, квантовые свойства, квантовая биология; виртуальная частица; виртуальный процесс* и мн. др.)» и несвободные словосочетания, «в которых компоненты, взятые изолированно, могут быть и не терминами (*белый стих, красная линия, серый лед, синий уголь, синее число, новый сон, древний сон* и др.)» [5, с. 37].

Лишь неразложимые словосочетания В. П. Даниленко называет терминами-фразеологизмами и в качестве примеров приводит наименования *роза ветров, роза волнений, кошачьи лапки, воронье гнездо* [5, с. 37]. Как видим, проблема классификации неоднословных терминов в данной трактовке решается неоднозначно. С одной стороны, ученый обращает внимание на статус входящих в словосочетание компонентов — терминологический / нетерминологический, и это, на наш взгляд, весьма важный фактор дифференциации фразеологических единиц в терминологии. С другой стороны, терминолог, учитывая степень слитности данных компонентов, фразеологизмами признает лишь фразеологические сращения, или идиомы, хотя в лингвистике традиционно выделяются четыре типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

На особые свойства терминологических фразеологизмов указывала Л. А. Капаназе, которая относила их к числу нерасчлененных наименований. В частности, она отметила, что фразеологизмам в терминологии типа *апрельская погода* (неустойчивая погода в холодной воздушной массе в тылу циклона), *атомный номер* (число протонов в ядре), *голая частица, белый шум* и др. не свойственна самостоятельная парадигматическая противопоставленность значений внутри сочетаний [6, с. 174–175].

В энциклопедическом словаре В. А. Татарина «Общее терминоведение» (2006) вопросу терминов-фразеологизмов уделено лишь несколько строк — в статье «Способы образования терминов». Фразеологическими автор признает несвободные терминосочетания, которые представляют собой «чаще всего результат стершейся мотивации или внутренней формы, а также результат метафорической многословной номинации (*барашковская гайка, катушка зажигания, коробка передач, ласточкин хвост*)» (14, с. 194).

В монографии Е. Н. Никулиной и ее совместных статьях с В. М. Лейчиком термины-фразеологизмы рассматриваются, главным образом, с точки зрения их соотношения с общеупотребительными коррелятами, особый интерес для названных терминологов представляет процесс фразеологизации составных терминов в современном языке [7–8; 12]. Вопрос о когнитивной природе терминов-фразеологизмов, их специфических свойствах и соотношении с разными типами знания специально не ставился и не изучался.

Как нам представляется, при рассмотрении фразеологического способа терминообразования важно установить, в каких случаях именно с помощью термина-фразеологизма объективируется и проецируется специальное знание и чем обусловлен выбор фразеологического знака: свойствами объекта номинации, особенностями познающей личности или характером процесса познания и его результатов.

Мы исходим из того, что фразеологические единицы выступают неотъемлемой частью языков профессиональной коммуникации. В связи с универсальным характером фразеологической номинации они представлены во всех стратах языка профессиональной коммуникации: в терминологии (*немая сцена, бродячий сюжет, говорящие имена* – лит.; *спинка языка, речевой аппарат, падение редуцированных, телеграфный стиль* – лингв.; *жирный шрифт, висячая строка* – типогр.; *банк данных* – инф.; *дымовая завеса, брющий полет* – воен.; *белая ночь* – геогр.), в устной профессиональной лексике (*бархатный путь* – жлдр.; *мертвый мяч, быстрый мяч, сухой лист* – спорт.; *холодный профессор* – пед.; *брать на карандаш* – журн.), в профессиональном жаргоне (*убитый шрифт* – типогр.; *свежая голова* – журн.; *построить конюшню* – горн.; *свиньей сидеть* – морск.).

Сложность дифференциации фразеологизмов, возникших и функционирующих в профессиональной среде, объясняется их специфическими языковыми и когнитивными характеристиками. Сочетая в себе свойства фразеологии (идиоматичность, непроницаемость структуры и постоянство состава) и специальной лексики (номинативный характер, принадлежность к определенной области знания, соотнесенность с профессиональным понятием или концептом), данные единицы выступают особым способом вербализации профессионально значимой информации – на стыке профессионального и обыденного знания.

Большинство исследователей подчеркивает, что разграничение типов знания является условным, относительным, поскольку способы обыденного и научного, теоретического и практического познания оказываются тесно связанными. Первичным выступает обыденное познание, его результаты закреплены в общеупотребительных единицах. На основе механизмов получения обыденного знания сформировалось практическое профессиональное познание. Теоретическое познание, являющееся венцом развития человеческого познания, представляет собой упорядоченную систему приемов и методов достижения знания, основанных на законах логики и когнитивных механизмах, выработанных в процессе обыденного предметно-практического познания мира.

Отметим, что большинство однословных терминов и значительная часть терминов-словосочетаний отражают классификацию действительности по канонам логического деления понятий – по одному основанию. В этом проявляется один из важнейших признаков терминологической единицы – стремление к точности обозначения. Создание подобных единиц носит регулярный характер, в связи с чем интерпретация их содержания, как правило, не вызывает затруднений. Сравните, например, наименования: *синхронный vs. последовательный перевод* (основание разграничения – отношение к моменту речи), *восклицательное vs. невосклицательное предложение* (в основе разграничения – тип интонации), *регрессивная vs. прогрессивная ассимиляция* (характеристика изменения звуков в зависимости от направления воздействия) и под.

Но значительная часть терминологии выражает не однопризнаковую, а многопризнаковую классификацию. Потребность в подобной классифика-

ции возрастает по мере развития конкретной области профессиональной деятельности, углубления знаний о профессиональных объектах: предметах, процессах, явлениях и ситуациях. Разные признаки профессионально значимых объектов получают вербальную объективацию либо в структуре однословного термина (посредством двух и более корней), либо в структуре словосочетания (через расширение состава зависимых компонентов). В результате специальное обозначение приобретает дескриптивный, описательный характер, многообразие признаков репрезентируется в нем в расчлененном виде.

Неэкономность такой номинации может быть разрешена за счет создания сложносокращенного слова (аббревиатуры). Не случайно В. А. Татаринцов рассматривает аббревиатуры как обозначения сложных объектов: «аббревиатуры называют такие явления действительности, которые могут быть отнесены к фактам, квалифицируемым как “сложные”» [14, с. 11]. Под сложностью исследователь понимает «комплексный характер явления, денотата, артефакта, их многогранность, многоаспектность, разнообразность их элементов, разнообразие структурных связей в пределах системы, целого» [14, с. 11]. Таким образом, аббревиатура, являясь внешне «простой» (по форме равной обычному слову) единицей, выступает маркером категории сложности. Аббревиатура, прочно вошедшая в употребление, позволяет целостно представить расчлененно увиденный и описанный языковыми средствами объект.

Альтернативным способом обозначения сложного объекта в сфере профессиональной коммуникации выступает фразеологизм. Поскольку в основе фразеологической номинации лежит чувственно-наглядное видение мира, термин-фразеологизм вербализует комплексную информацию о профессиональном объекте, воспринятом номинатором в его нерасчлененной целостности.

Расчлененный и нерасчлененный способы номинации отражают разные пути познания объектов. В одном случае это «мысленное прослеживание», когда какое-либо сложное явление охватывается мыслью постепенно, часть за частью [1, с. 8], в другом случае мы имеем дело с «мысленным обозрением», когда человек охватывает мыслью «одновременно все стороны какого-либо сложного явления» [15, с. 7]. Полученное первым путем знание носит абстрактный, аналитический характер, вторым – конкретный, синтетический.

Как отмечает М. Э. Рут, объектом образной номинации, как правило, выступает «предмет системно внеположенный», «обладающий сложным, не поддающимся абстрагированию на данной ступени познания признаком» [13, с. 31]. Иными словами, «упаковка» информации о том или ином объекте во фразеологизме свидетельствует о том, что он находится (в соответствии с интерпретацией ученого) вне известных и отрефлектированных категорий объектов. Сознание ищет выход из проблемной познавательной ситуации и находит его в создании фразеологической номинации.

Следовательно, фразеологическая номинация в профессиональных сферах знания и деятельности оказывается актуальной в тех ситуациях, когда информация о свойствах предмета не поддается абстрагированию, но по-

требность в вербальной объективации ее качественной определенности четко осознается специалистами.

На выбор фразеологической номинации влияют три важных фактора:

- 1) целостность объекта, его доступность чувственно-наглядному восприятию или возможность соотнесения с чувственно-наглядным опытом номинатора;
- 2) наличие комплекса значимых характеристик объекта;
- 3) невозможность (или проблематичность) абстрагирования данного комплекса характеристик.

Свойства объекта, обозначенного с помощью фразеологизма, хоть и не вычленены логически, вербализуются в виде наглядного образа. Таким образом, фразеологические единицы, возникшие и используемые в профессиональной коммуникации, представляют собой сверхсловные устойчивые образования, обладающие свойством идиоматичности, в которых объективируется знание, полученное в рамках профессионального опыта в типовых ситуациях профессиональной деятельности. В них отражаются сложные с точки зрения познания объекты и явления профессиональной деятельности, которые не могут быть обозначены однословным наименованием.

Новые знания, вербализуемые фразеологизмом, основываются на предыдущем опыте номинатора, некоторые его аспекты сохраняют свою актуальность, другие же игнорируются. В процессе фразеологической концептуализации могут осмысливаться как отдельные предметы и явления, так и целые ситуации. При исследовании профессионально маркированных фразеологизмов с позиций отражаемых ими знаний о мире предметом анализа становятся отношения между компонентами фразеологического значения как обозначениями познаваемых человеком объектов и их признаков.

Проницаемость границ между обыденным и специальным знанием, их сложное взаимодействие наглядно предстает при анализе когнитивных структур профессионально маркированных фразеологизмов. Когнитивная структура, стоящая за тем или иным фразеологизмом, объективируется как на уровне содержания – во фразеологическом значении, так и на уровне языкового выражения – в компонентной структуре. В связи с этим важно учитывать, из каких компонентов состоит фразеологизм: общеупотребительное слово – термин, вошедший в широкое употребление – узкоспециальный термин, как они между собою связаны (тип связи, степень слитности компонентов, соотношение специального / неспециального статуса компонента с его главной / зависимой ролью в составе фразеологизма).

Структура фразеологических единиц, отражающих профессионально значимую информацию, может получить реализацию в следующих моделях¹:

- 1) СС + ОС (например: *красная строка, биологические часы, немая сцена, крылатые слова, речевой поток, оптический обман, скрипичный ключ, ге-*

¹ Для обозначения компонентов фразеологической модели использованы следующие аббревиатуры: СС – специальное слово, релевантное для данной профессиональной сферы (термин или терминологический элемент; профессионализм, профессиональный жаргонизм), ОС – общеупотребительное слово.

неалогическое древо, цепная реакция, живая музыка, теневой бюджет, теневая экономика, серые зарплаты, языковое чутье, абсолютный слух, битая ссылка, внешний отзыв, холодный профессор, белый стих и др.);

2) ОС + ОС (черный ящик, философский камень, вещь в себе, картина мира, кошачье золото, глухая стена, ласточкин хвост, обратная связь, мертвая петля, момент истины, лошадиная сила, сфера влияния и др.);

3) СС + СС (лирический герой, охрана детства и др.).

Различная комбинация компонентов в структуре фразеологизма объективирует многообразие взаимодействия профессионального и обыденного знания в их когнитивной структуре.

Проведенный нами анализ на материале музыкальной терминологии показал, что обыденное и специальное знание (практическое или теоретическое) в структуре фразеологизмов могут вступать в три вида отношений: объединение, пересечение, наложение. Самым распространенным является объединение двух типов знания, которые дополняют друг друга. Реже представлены отношения пересечения названных видов знаний или их наложения друг на друга (подробнее см. [2]).

Актуализация обыденного знания и тип его соотношения со специальным знанием в когнитивной структуре профессионально маркированных фразеологизмов, по нашему мнению, зависит от способа получения знаний об объектах профессиональной деятельности и от специфики самой профессиональной деятельности. Наиболее продуктивной является модель, компонентами которой выступают термин и общеупотребительное слово.

Фразеологизмы, возникающие в научной речи специалистов, репрезентируют теоретическое знание о профессиональных объектах и явлениях. Однако данное знание актуализируется в них не логическим, рациональным путем, а метафорически, через создание яркого, запоминающегося образа профессионального понятия. Другими словами, фразеологический формат профессионального знания сигнализирует о том, что данный мыслительный конструкт возник на основе концепта, «вырос» из концепта. Проследим это на примере лингвистического термина *крылатые слова*.

Впервые оборот *крылатые слова* был употреблен в поэмах Гомера, где он носил характер художественного образа, особой поэтической формы, ср.: «Вместе с Аяксами стал и вещал к ним крылатое слово»; «Речи крылатые он устремил к светлоокой Афине»; «Тихие между собой говорили крылатые речи» [3]. С помощью определения *крылатый* автор, по-видимому, стремился подчеркнуть отличный от обыденного характер речей и слов героев, их одухотворенность, заряженность мыслью.

Как обозначение метких и образных слов и выражений этот оборот стал употребляться лишь в XIX веке: первоначально он был использован английским историком, философом и литературным критиком Т. Карлейлом в статье о В. Скотте в 1838 г., а затем закрепился в работах немецкого ученого Г. Бюхмана. Его знаменитый сборник выражений, прочно вошедших в немецкую литературную речь, «*Geflügelte Worte*» («Крылатые слова») выдержал несколько изданий (подробнее см.: [16]), благодаря чему название получило распространение и в других национальных языках.

Интересен комментарий Н. С. и М. Г. Ашукиных по поводу выбора Г. Бюхманом обозначения для образных слов: он назвал их «на том основании, что они получили широкое распространение, перелетая как бы на крыльях из уст в уста» [1, с. 5]. Не исключаем, что подобное объяснение навеяно работами самого немецкого исследователя. А это значит, что в сознании Г. Бюхмана «крылатые слова» были еще не сложившимся понятием, а скорее концептом-гештальтом, в котором соединились рациональные и чувственно воспринимаемые признаки объекта. Что касается рациональных признаков, то под крылатым словом Г. Бюхман понимал «...постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)» (цит. по: [16, с. 6]). Как видим, здесь впервые выделены такие важные признаки крылатых слов, как устойчивость, воспроизводимость и связь с источником.

Метафоричность рассматриваемого обозначения позволила русскому писателю-беллетристу и этнографу С. В. Максиму интерпретировать его по-своему: он стал именовать им образные выражения, пословицы и поговорки, представленные не в литературной, а в разговорной речи, например: *бить баклуши*, *попасть впросак*, *тянуть канитель* [9]. В сходном, расширительном значении использовал сочетание «крылатые слова» и М. И. Михельсон. В своей книге «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» исследователь представил не только библеизмы, мифологизмы, литературные цитаты, изречения исторических деятелей, имена мифических и литературных персонажей, но также пословицы и меткие народные слова и выражения [11]. Примечательно замечание самого М. И. Михельсона, которое демонстрирует степень «познанности» явления: «Крылатые слова – слова, вылетающие из уст говорящего» [11, с. 10]. Такое определение отнюдь не проясняет отличительных признаков крылатых слов по сравнению с другими языковыми единицами (словами и фразеологизмами).

Впервые строго терминологически в русском языкознании термин *крылатые слова* был рассмотрен С. Г. Займовским. Он выдвинул в качестве отличительных признаков крылатого слова следующие: 1) «ходячесть»; 2) меткость; 3) лаконизм; 4) принадлежность к литературно-образованным кругам, в отличие от народных пословиц и поговорок; 5) связь с первоисточником, индивидуальным инициатором, которые могут быть прослежены или установлены [16, с. 11]. Интересны замечания С. Г. Займовского, освещающие суть крылатых слов: «Крылатое слово – всегда намек, напоминание о замечательной мысли, моменте или обстоятельствах, всегда средство сэкономить пространное изъяснение желаемой мысли кратким и выразительным словом или фразой, дать наилучшую или наиболее сжатую редакцию важного положения науки, искусства или философии, либо ввести в курс предмета статьи, речи или доклада» (цит. по: [16, с. 10]). Как нам представляется, именно мысль и форма ее выражения объединяет столь неоднородные по составу крылатые единицы: кратко и нестандартно оформленная значимая мысль становится «крылатой», легко запоминается

и воспроизводится носителями языка. Примерно о том же пишет В. П. Берков: «Крылатые слова выполняют весьма важную и специфическую функцию. Они дают человеку возможность сжато и ярко выразить мысль, они сообщают высказыванию такую смысловую глубину, какую трудно или даже невозможно достигнуть иными средствами» [Там же].

Неоднородный характер крылатых слов хорошо иллюстрирует С. Г. Шулежкова: «Это и имена собственные, получившие обобщенное переносное значение (*Плюшкин, Аполлон, Отелло, Иуда, Фантомас, Джеймс Бонд, Микки Маус*), и афоризмы (*Слова и иллюзии гибнут; Факты остаются; Новое — это хорошо забытое старое*), и сентенции (*От хорошей жизни не полетишь; Привычка свыше нам дана: / Замена счастью она*), и лозунги, призывы (*Вперед, заре навстречу; Кто был ничем, тот станет всем; Пусть всегда будет солнце!*), и перифразы (*страна неограниченных возможностей, кони стальные, город над вольной Невой, столыпинский галстук*), и шуточные реплики-вопросы (*Откуда ты, прекрасное дитя! Что день грядущий мне готовит? Зачем вы, девушки, красивых любите?*) и т. д.» [16, с. 18–19]). Именно она в своих работах отстаивает право крылатых слов и выражений на статус самостоятельных языковых единиц, изучением которых должна заниматься специальная наука — крылатология. С. Г. Шулежкова предложила заменить общепринятый термин *крылатые слова* более точным *крылатые единицы* и разграничить в их составе собственно крылатые слова и крылатые выражения (коммуникативные единицы, равные высказыванию, и части предложения). В. М. Мокиенко принадлежит создание слова *крылатика*, служащего обозначением всей совокупности крылатых единиц (в пределах того или иного национального языка или безотносительно к конкретному языку) [10].

Таким образом, только в конце XX — начале XXI века можно говорить об окончательном становлении содержания научного понятия «крылатые слова». Сегодня это разновидность крылатых единиц, обладающая тремя основными признаками: 1) связь с источником (автором, литературным, мифологическим, фольклорным или историческим персонажем; произведением искусства или литературы; реальным событием и т.д.); 2) воспроизводимость (они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые единицы); 3) стабильность, устойчивость семантики. Гораздо более значительны по объему в составе крылатых единиц (около 90% — в русском языке) крылатые выражения, которые, помимо названных признаков, характеризуются раздельнооформленностью (состоят из двух или более компонентов словного характера, связанных между собою по грамматическим законам данного языка) и устойчивостью компонентного состава (не исключаяющей вариантности). Понятийный характер данного термина подтверждается на языковом уровне наличием четкой системы единиц с общим словообразовательным компонентом: *крылатое слово* — *крылатое выражение* — *крылатая единица* — *крылатика* — *крылатология*. Этой системой репрезентируется строго логически разработанная концептуальная структура.

Устойчивость термина *крылатое слово* в лингвистическом употреблении, на наш взгляд, объясняется его правильно ориентирующим

характером: обыденное знание, которое реализовано в нем, поддерживает знание научное, теоретическое.

Обыденное знание проецируется не столько прилагательным *крылатый* (имеющий крылья), сколько словообразовательно и семантически связанными с ним словами *крылья, летать, полет, окрыленный*. Объединяющими для всех этих единиц являются, на наш взгляд, концептуальные признаки 'легкость' и 'быстрота', которые получают реализацию в следующих выводных знаниях наивного носителя языка: *крылатые слова* 1) легко и быстро запоминаются (и воспроизводятся), 2) кратки и образны.

Наличие ассоциации «крылья» — «птица» — «гнездо» ведет к тому, что слово *крылатый* может быть понято и как 'вылетевший из гнезда, получивший возможность самостоятельного существования' (ср. фразеологизмы *расправить крылья, обрести крылья, подрезать крылья*). Применительно к нашему предмету — крылатому слову, выражению — это означает 'преодолевшее границы текста, в котором впервые употреблено, живущее самостоятельной жизнью'. Признак 'крылатый' указывает также на связь слова с мыслью, воображением говорящих и тогда точнее будет сказать, что не слово, а мысль «летит на крыльях» от собеседника к собеседнику.

Терминологическое значение рассматриваемого наименования поддерживается и на символическом уровне: крылья символизируют знание, высвобождение творческих сил и способностей. В этом мы усматриваем связь с творческим характером информации, содержащейся в крылатых словах. Именно благодаря своеобразие и новизне своей формы, точно выражающей значимое для носителей языка содержание, они получают широкое распространение в языковом узусе. Удачное воспроизведение крылатого слова или выражения вызывает у говорящего ощущение духовного озарения и эмоционального подъема. Наконец, символика крыльев, полета связана в целом с динамическим аспектом этого образа. На научном уровне эта характеристика получает свое убедительное подтверждение в том, что крылатые единицы любого национального языка относятся к числу самых мобильных языковых пластов.

Таким образом, сохранение термина-фразеологизма *крылатые слова* в современном лингвистическом языке подкрепляется осознанием того, что эти единицы выступают как особый, внеположенный феномен, обладающий комплексом характеристик: 1) родились в конкретном произведении или связаны с определенной исторической ситуацией — получили статус общеязыковых; 2) в отличие от обычных слов и выражений, имеют автора или источник; 3) обладают творческим потенциалом, ярко и образно выражают значимый концепт.

Итак, внеположенный характер феномена крылатых слов («на стыке законов искусства и законов языка»), сложность его природы и неоднородный характер реализующих единиц, наличие комплекса характеристик и трудность их абстрагирования предопределили выбор в качестве обозначения данного объекта термина-фразеологизма.

Мы остановились подробно на анализе содержания лишь одного термина-фразеологизма, однако в языке лингвистики подобных терминов не-

мало. Достаточно привести лишь некоторые из получивших широкое распространение в современном лингвистическом языке терминов: *ближайшее / дальнейшее значение слова, внутренняя форма слова, картина мира, семейное сходство, речевой поток* и др.

Таким образом, в области профессиональной фразеологической номинации оказываются сопряженными результаты абстрактно-логического и наглядно-образного мышления. Фразеологические единицы становятся переходной зоной, где осуществляется взаимодействие двух видов сознания. При этом фразеологическая номинация является в ряде случаев более действенной, эффективной по сравнению с прямой однопризнаковой номинацией, поскольку, активизируя чувственный опыт специалистов, задает программу их деятельности в конкретной профессиональной ситуации. Удачно выбранный для фразеологической номинации образ способствует углублению понимания профессиональной области в целом, на его основе может моделироваться комплекс профессиональных обозначений.

Фразеологизм выступает не только знаком цельности восприятия профессионально значимого объекта, но и знаком нежесткости самого восприятия: фразеологическая номинация оставляет некий мыслительный зазор для уточнения содержания профессионального знания. В отличие от логически структурированного, ограниченного жесткими рамками знания, вербализуемого прямыми наименованиями, фразеологическая номинация объективирует осознание принципиальной новизны познаваемого предмета.

При помощи фразеологической номинации не просто фиксируется объективная информация о профессионально значимых объектах, она подвергается особой обработке (индивидуализации), переработке и продуцированию. Дополняя общую картину знаний, фразеологизмы делают профессиональное знание более зримым, доступным, легко усваиваемым. Подобное знание носит синкретический характер, поскольку сочетает в себе результаты категориального, наглядно-образного и интуитивного мышления.

4. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Отв. ред. В. П. Вомперский. — М.: Правда, 1986. — 768 с.
5. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: Учеб. пос. — М.: Флинта; Наука, 2011. — 224 с.
6. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. — М.: Москов. рабочий, 1982. — 448 с.
7. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М.: Москов. Лицей, 1993. — 309 с.
8. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / Отв. ред. Ф. П. Филин. — М.: Наука, 1977. — 245 с.
9. Капанадзе Л. А. Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века // Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. — М.: Наука, 1968. — С. 167—185.
10. Лейчик В. М., Никулина Е. А. Источники возникновения терминологических фразеологизмов // Языки профессиональной коммуникации: Материалы междунар. науч. конф. — Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т, 2003. — С. 300—305.

11. *Лейчик В. М., Никулина Е. А.* Терминология и фразеология современного английского языка: взаимодействие и взаимовлияние // Научно-техническая терминология. – 2006. – Вып. 1. – С. 76–78.
12. *Максимов С. В.* Крылатые слова. – М.: Гослитиздат, 1995. – 512 с.
13. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. – М.: «Русские словари», 1997. – 864 с.
14. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. – М.: СПб, 1997. – Т. 1. – 800 с.
15. *Никулина Е. А.* Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка. – М.: Прометей, 2004. – 225 с.
16. *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. – 148 с.
17. *Татаринов В. А.* Общее терминоведение. – М.: Москов. Лицей, 2006. – 528 с.
18. *Шемякин Ф. Н.* К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) // Известия АПН РСФСР. – 1960. – Вып. 113. – С. 5–48.
19. *Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

E. I. Golovanova

IDIOM AS A PECULIAR TYPE OF TERMINOLOGICAL NOMINATION

The article examines the cognitive nature of phraseologisms in terminological nomination, reveals correlation of these units with different types of knowledge. Special attention is paid to the reasons and factors of choosing of phraseological nomination when transmitting special knowledge. The author of the article claims that the term-phraseologism verbalizes comprehensive information about outer professional object, perceived by the nominator in its nonsegmented integrity.

Key words: terminological nomination, term-phraseologism, special knowledge, everyday knowledge, perception, outer professional object.